

Русские дачи на Карельском перешейке в конце XIX — начале XX века

В. И. Мусаев

Со второй половины XIX века на территории Великого княжества Финляндского, прежде всего в прибрежной части Карельского перешейка, известной как Северная Ривьера, стали во все возрастающих количествах появляться русские дачники, что способствовало заметному (во всяком случае, сезонному) увеличению русского населения в той части Финляндии. К тому времени отдых на лоне природы завоевывал все большую популярность среди жителей имперской столицы. Все большее число петербуржцев предпочитало выезжать на летний сезон из пыльного и шумного города и проводить свое свободное время в его пока еще не затронутых урбанизацией окрестностях, таких как Шувалово–Озерки, Лахта, Лисий Нос, Парголово и др. Со временем, однако, все большей популярностью стал пользоваться отдых в чуть более отдаленных живописных местностях финской части Карельского перешейка. Наплыву русских отдыхающих в Финляндию, безусловно, способствовало завершение в 1870 году строительства связавшей российскую столицу с Великим княжеством железной дороги Петербург–Выборг–Риихимяки. Именно после того на Перешейке начался настоящий дачный бум. Территория, прилегающая к железной дороге, особенно ее прибрежная часть, интенсивно застраивалась вилами и дачами петербургских жителей. Активизации процесса приобретения дачных участков и дачного строительства в Финляндии содействовало высочайшее постановление от 16 февраля 1891 года, согласно которому российским подданным, кроме евреев, было дано право свободно приобретать в Великом княжестве

недвижимое имущество и владеть им¹. В начале 1890-х годов в Финляндии были введены некоторые правила, имевшие целью облегчить положение временного русского населения: рубль был принят в качестве платежного средства, так что дачникам не надо было больше заниматься обменом валюты, от официальных лиц в курортных местностях стали требовать владения русским языком, неприятная необходимость уплачивать таможенную пошлину при ввозе на территорию Финляндии спиртных напитков была ликвидирована благодаря открытию в дачных районах торговых точек, где можно было обзавестись спиртным².

Поначалу дачные поселения концентрировались в основном либо вблизи от железной дороги в волостях Кивеннапа и Уусикиркко, либо в окрестностях Выборга. При этом в Кивеннапа дачи располагались в основном по берегу

Финского залива, в Уусикиркко же, где железная дорога проходила дальше от берега, немало дач находилось во внутренней части Перешейка, по берегам озер, которыми изобилует территория волости. К концу XIX века дачное строительство заметно распространилось вширь, охватив, в частности, приходы Эюряпяя и Ранта³. Наиболее популярным до конца периода автономии оставался все же отдых на побережье залива – на Северной Ривьере. Самым крупным русским курортом на побережье стал поселок Терийоки. Благодаря наплыву русских отдыхающих заметно разрослись также небольшие прежде деревни Куоккала, Тюрисевя, Ваммелсуу, появились и чисто русские дачные поселения, такие как Оллила или Келломакки. В общей сложности в волостях Кивеннапа, Уусикиркко, Муолаа, Куолемаярви и Койвисто к 1908 году российским поддан-

Уличный вид в Куоккале

ным принадлежало 4730 дач (в том числе 3643 в Кивеннапа и 778 в Уусикиркко), 230 дачных участков и 333 надела без построек. Больше всего дач – около 1400 – насчитывалось в поселке Терийоки, относившемся тогда к волости Кивеннапа⁴. В той же волости находились и другие крупнейшие дачные поселки: в Куоккала на тот же момент имелось 762 дач, в Райвола – 757, в Келломаки – около 500 и в Оллила – около 440⁵. По данным, сообщенным в 1909 году Выборгским губернским правлением, по губернии числилось 2273 владельца недвижимости, не принадлежавших к числу финляндских граждан⁶.

Появление русских дачников в деревнях и поселках Выборгской губернии, безусловно, наложило отпечаток на внешний облик и на жизнь тех мест. Русская речь на улицах звучала все чаще, на стенах домов, улицах и железнодорожных станциях в Терийоки, Куоккала, Келломаки и других поселках появились вывески и указатели на русском языке, для отдыхающих устраивались концерты и вечера, на которых выступали русские артисты, певцы, иногда довольно известные. Александр Блок и его супруга Любовь Дмитриевна летом 1912 года организовали в Терийоки театральную труппу, в которую в качестве режиссера был приглашен молодой В. Э. Мейерхольд. В некоторых поселках приезжие в сезон отдыха составляли большинство населения. В лексических формах южно-карельского диалекта стало появляться все больше заимствований из русского языка⁷. Владельцы дач привозили с собой и русскую прислугу, которая подчас проживала там круглый год. Приток временного населения, преимущественно русского и православного, вызвал необходимость строительства на Перешейке новых православных церквей. В 1912–1917 годах были построены церковь Казанской Божьей Матери в Терийоки, церкви Преображения в Куоккале, Мустамяки и Уусикиркко, церковь Всех Скорбящих Радость в Ваммелсуу. Терийокский храм Казанской Божьей Матери, построенный в 1914 году в византийско-ярославском стиле, считался одной из замеча-

тельнейших культовых построек во всей Скандинавии⁸.

Численность русских отдыхающих на курортах Карельского перешейка с трудом поддается определению, так как их состав был слишком переменчив, некоторые приезжали на несколько дней, другие жили по нескольку месяцев. К тому же статистические сведения первые годы вообще не собирались, лишь с 1892 года ленсманы начали проводить сбор соответствующих данных. О численности русских дачников имеются лишь приблизительные предположения. Так, в 1880 году в прессе сообщалось о том, что численность жителей дачных поселков в летний сезон доходила до 30 тысяч. Своего максимума число отдыхающих достигло, однако, накануне Первой мировой войны. Только в Терийоки в 1911 году, согласно полицейским данным, количество отдыхающих (предъявивших российские паспорта) составило 45 960 человек, в июле 1912 года – 46 500 человек, а летом 1914 года оно доходило до 75 000 человек (при том что постоянное население Кивеннапа и соседней волости Уусикиркко составляло лишь около 35 000 человек), в целом же по Перешейку, по некоторым данным, число отдыхающих превышало 100 000 человек⁹. Представляет интерес динамика количества железнодорож-

ных билетов, приобретенных на Финляндском вокзале для поездки в дачные местности Карельского перешейка: в 1890 году было продано 152 612 таких билетов, в 1895-м – 164 719, в 1900-м – 295 735, а в 1905-м – 509 712¹⁰. Конечно, рост количества проданных билетов говорит не столько об увеличении численности более или менее постоянных жителей дачных поселков (хотя, косвенно, и об этом), сколько об интенсификации пассажирского движения по линии Петербург–Выборг, однако и сама эта тенденция весьма примечательна. Пассажирское движение между Россией и Финляндией продолжало расти и в последующие годы: по приблизительным подсчетам правления железной дороги, число пассажиров, выехавших в Финляндию и въехавших из Финляндии, в 1910 году составило от 1 400 000 до 1 500 000 человек и в 1911 году – от 1 600 000 до 1 700 000 человек¹¹.

Вполне естественно, что среди владельцев и съемщиков дач на Карельском перешейке преобладали жители Петербурга, однако исследования финских авторов показали, что мнение о том, что на Перешейке отдыхали исключительно или почти исключительно петербуржцы, не верно. Так, по данным диссертационной работы Л. Пюокёнен, на которые ссылает-

Дача К. И. Чуковского в Куоккале

ся исследователь истории русских дач на Перешейке В. Хямляйнен, из 1683 русских владельцев недвижимости в Терийоки 860 человек происходили из Петербурга, 102 – из других местностей Петербургской губернии, о происхождении 355 человек сведения отсутствуют, 366 же человек был родом из других российских губерний, в том числе даже из причерноморских и северокавказских¹². Л. Пююкёнен исследовала также социальное происхождение владельцев домов и дач. Среди них самую большую группу – 534 человека – составляли торговцы и промышленники; второе место занимали общественные деятели и лица свободных профессий, которых насчитывалось 340 человек, за ними следовали лица, занимавшиеся физическим трудом, – их было 280 человек; только 211 владельцев дач имели дворянское происхождение¹³. Среди лиц, приобретавших или снимавших дома и дачи на Перешейке, встречались и известные деятели науки и культуры. Хорошо известен дом И. Е. Репина «Пенаты» в Куоккала, который художник приобрел в 1906 году¹⁴. Также в Куоккала имели свои дачи А. М. Горький (с 1904 года) и К. И. Чуковский. Писателю Леониду Андрееву с 1908 года принадлежал дом в Ваммелсуу. Среди владельцев дач на Перешейке заслуживают упоминания известный архитектор Барановский, профессора В. М. Бехтерев, С. П. Боткин и А. И. Воейков, энциклопедист Эфрон, ювелир К. Фаберже¹⁵.

Развитие Карельского перешейка как курортной зоны имело существенное значение для экономики Великого княжества. Наплыв русских дачников приносил средства в финляндскую казну, давал возможность для заработка многим жителям Перешейка. Местные крестьяне сдавали помещения внаем приезжим, снабжали дачников хлебом, молочными продуктами, мясом, рыбой, грибами, ягодами и другими продуктами¹⁶. Для части местных жителей деятельность по обслуживанию отдыхающих из России и дачных поселков (или, говоря современным языком, занятость в индустрии туризма) стала основным промыслом, который приносил большие доходы, чем их

Железнодорожная станция Куоккала

традиционные занятия. Отношения русских дачников с местными жителями и властями не всегда, однако, складывались безоблачно. Трения иногда возникали в силу незнакомства приезжих с местными традициями и обычаями, несоответствия традиционных привычек русских местному укладу жизни¹⁷. Определенные проблемы и известное недовольство части финляндских общественных деятелей вызывала практика продажи в дачных местностях спиртных напитков, тогда как на остальной территории Великого княжества в силе был сухой закон¹⁸. Отчасти на отношении финнов к русским дачникам (как, собственно, к русскому населению в Финляндии в целом) сказывалось раздражение против имперского центра, вызванное в начале XX века (в так называемые годы угнетения) мероприятиями правительственной политики, направленными на ограничение финляндской автономии. Несмотря на все трудности, процесс приобретения недвижимости российскими подданными в Выборгской губернии в начале XX века продолжался, сделки совершались на сумму в среднем около миллиона марок в год¹⁹. Это вызывало тревогу и беспокойство националистически настроенных финских кругов. В печати и в высказываниях некоторых общественных деятелей звучали протесты против продажи русским земли, которая якобы таила в себе угрозу постепенного обрусения края²⁰. Комитет по делам Карельского перешей-

ка, образованный в Выборге в 1906 году, считал необходимым издать закон, который положил бы конец продолжавшейся продаже земель иностранцам (то есть русским). Считалось возможным, впрочем, позволить сдавать русским землю в аренду и строить дачные помещения для отдачи им внаем. Выдвигалось также предложение, чтобы общины скупали продающиеся земли на свой счет и затем передавали их в аренду финнам²¹.

Следует упомянуть и еще об одной функции дачной зоны Карельского перешейка: она служила убежищем и базой для русских революционеров. В 1906–1907 годах дача «Ваза» в поселке Куоккала была штабом большевиков и местом основного пребывания В. И. Ленина. В поселке и его окрестностях, а также в Терийоки скрывались и другие революционеры, в частности, Л. Б. Красин. В нескольких километрах от Куоккалы, на хуторе Хаапала, весной 1907 года была основана большевистская лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ, которая, однако, была вскоре раскрыта, 11 человек оказались под арестом. Петербургская полиция установила «существование в м. Келломяки целого бюро террористов, подготовлявших убийства... и имевших карточки лиц, принявших на себя совершение политических убийств»²². В Терийоки с конца лета 1907 года располагалась конспиративная дача ЦК РСДРП. В 1906–1907 годах там же проводились конференции Петербургской организации партии²³.

Кроме того, п.Терийоки в 1905–1907 годах был известен как место проведения оппозиционных митингов, на которые приезжали многие петербуржцы. Один из таких митингов, состоявшийся в июне 1907 года, описан в донесении МВД: «4 сего июня в общественном саду у станции Териоки по Финляндской железной дороге состоялся митинг, устроенный по инициативе членов “трудовой группы”, представителей партий социалистов-революционеров, социал-демократов русских и финляндских и финляндской красной гвардии. После обоюдных приветствий толпа, выстроившись у вокзала и подняв красные флаги с разными революционными надписями на русском и финском языках, двинулась к общественному саду с пением “Марсельезы”, “Варшавянки” и других революционных песен, а проходя мимо финского рабочего дома, остановилась на несколько минут и спела “Интернационал”. <...> Все речи отличались крайне революционным содержанием и почти каждый из ораторов заканчивал свою речь призывом к активной борьбе с правительством, после чего присутствующие аплодировали и кричали: “да здравствует вооруженное восстание”».²⁴

Наличие русских дачных поселков на Карельском перешейке и потребность борьбы с революционными элементами, «могущими ныне находить себе... безопасное убежище в нескольких десятках верст от С. Петербурга»²⁵, были в числе обстоятельств, которые принимались во внимание при рассмотрении вопроса о присоединении части территории Выборгской губернии к коронным российским землям. Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского, созванное в ноябре 1910 года под председательством главы правительства П. А. Столыпина, приняло решение приступить к разработке законопроекта о присоединении приходов Кивинеб (Кивеннапа) и Новая Кирха (Уусикиркко) к Петербургской губернии. Основную роль в принятии такого решения играли военно-политические соображения, однако в качестве одного из мотивов выдвигалось также намерение устранить неудобства для местных рус-

ских дачников, «вынужденных в настоящее время иметь дело с таможенными учреждениями при переездах из империи и обратно»²⁶. Межведомственная комиссия, составленная из представителей нескольких министерств, работала к концу 1913 года законопроект, однако начало мировой войны не позволило приступить к его практическому осуществлению²⁷. Реакция некоторых русских подданных, владевших недвижимостью на территориях, подлежащих передаче в состав России, на известия о грядущем переносе границы была несколько неожиданной: по сообщениям финских газет, они заявляли, что в таком случае они продадут свою собственность и будут искать возможность для новых приобретений в глубине финской территории, в случае необходимости вплоть до берегов озера Сайма²⁸.

С началом Первой мировой войны прибрежные финляндские области, в том числе дачный район Карельского перешейка, были переведены на военное положение. Это обстоятельство, а также обострение политической ситуации в самой Финляндии, вызвали отток отдыхающих с Перешейка и рост интереса к окрестностям Петрограда как к местам для летнего отдыха²⁹. Некоторые дачники, однако, не спешили покидать насиженные места и в продолжение войны оставались на территории Великого княжества, так как в Петрограде и в России в целом уже начинались перебои со снабжением продовольствием, в Финляндии же это пока не так ощущалось³⁰. В те годы в дачных районах Перешейка наблюдалось заметное развитие контрабанды, которая была застарелой проблемой российско-финляндского приграничья, причем в тот раз поток контрабандных товаров направлялся в основном в сторону России. Со временем экономические трудности, вызванные войной, стали ощущаться и в Финляндии. Русские дачники, пока еще располагавшие средствами, активно скупали продовольственные товары, что вело к их значительному удорожанию и явилось еще одним поводом для недовольства со стороны местных жителей³¹.

Революционные события весны и осени 1917 года в России отнюдь не заставили всех владельцев вилл и дач, находившихся в Финляндии, поспешить с отъездом на родину. Напротив, часть из них предпочитала наблюдать за развитием событий из Финляндии, надеясь переждать политические потрясения в России в остававшемся пока еще сравнительно спокойным финляндском приграничье. Некоторые русские дачники оставались на территории Финляндии и в декабре 1917 года, когда свершившимся фактом стало провозглашение финляндской независимости.

Вскоре после провозглашения независимости Финляндии власти страны приняли меры к тому, чтобы прибрать к рукам недвижимую собственность российских подданных на Карельском перешейке. 21 марта 1918 года, когда Гражданская война в Финляндии еще не закончилась, сенат уже обратил внимание на русские дачи на Перешейке и сформировал комитет для рассмотрения вопроса о принудительном отчуждении недвижимости, принадлежавшей российским подданным, в пользу Финляндского государства. Указом от 22 октября того же года были отменены постановления 1891 и 1903 годов, предоставлявшие российским подданным право свободного приобретения недвижимости в Финляндии и владения ею. Наконец, 24 октября 1919 года в парламенте, после некоторых дебатов, был одобрен закон, согласно которому иностранным гражданам и организациям запрещалось приобретать недвижимость на территории Выборгского лена без особого согласования с Финляндским государством³². Все эти меры вели к постепенному исчезновению русских дачных поселений на Перешейке. К тому же многие владельцы дач, испытывая материальные лишения, вынуждены были сами продавать свою собственность и в поисках средств к существованию перебираться в другие районы страны или вообще уезжать из Финляндии. В 1920–1930-е годы в курортной зоне Карельского перешейка отдыхали уже преимущественно финляндские граждане.

Многим населенным пунктам Карельского перешейка был причинен значительный ущерб во время войн 1939–1940 и 1941–1944 годов. В частности, поселки Оллила и Куоккала были почти полностью разрушены (Терийоки, находившийся в некотором отдалении от границы, пострадал несколько меньше). Возрождение Северной Ривьеры как курортной и дачной зоны началось уже после войны.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 41. Ранее таким правом пользовались только российские подданные, принадлежавшие к дворянскому сословию.

² Bodin P.-A. Karelska Näset som mötesplats för nordiskt och ryskt // Sverige och Petersburg. Vitterhetsakademiens symposium 27-28 april 1987. Stockholm, 1989. S. 25–26.

³ Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974. S. 98; Idem. Vanhan Suomen venäläiset huvilaasukkaat // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1984. S. 118.

⁴ В 1890-е гг. строительством дач и особняков в Терийоки занимался, в частности, Ф. Р. фон Хаартман, более известный как основатель и руководитель «Финского пароходного общества» в Петербурге. Здесь он основал «Общество по устройству дачной жизни в Терийоки» («Sällskapet för villalifvets ordnande i Terijoki»).

⁵ Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 97–98.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 42.

⁷ Балашов Е. А. Русское население на Карельском перешейке (XVIII – первая половина XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 177.

⁸ Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории быта русских в Финляндии // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1990. Т. VII. С. 53, 60.

⁹ Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 205, 216; Katajala K. Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa // Itä-Suomi ja Pietari. Kirjoituksia toimeentulosta suurkaupungin vaikutuspiirissä. Joensuu, 1997. S. 187–188.

¹⁰ Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 105.

¹¹ РГИА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133. Л. 271 об.

¹² Härmäläinen V. Vanhan Suomen venäläiset huvilaasukkaat. S. 120–121. Можно предположить, впрочем, что некоторые уроженцы других губерний могли на тот момент постоянно проживать в Петербурге.

¹³ Ibid. S. 121.

¹⁴ Из обширнейшей биографической литературы о И. Е. Репине можно порекомендовать, в частности, книгу: Кириллина Е. Репин в Пенатах. Л., 1977.

¹⁵ Балашов Е. А. Указ. соч. С. 177.

¹⁶ Katajala K. Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa. S. 187.

¹⁷ В очерке «Православная Карелия», составленном канцелярией финляндского генерал-губернатора, отмечалось: «Самый процесс укоренения в Финляндии был для русских владельцев довольно трудным и болезненным, как по незнанию ими местных порядков, так и по недоброжелательству к ним некоторой части местных обывателей и властей» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 42).

¹⁸ Сам по себе запрет ввоза спиртного из России в Финляндию, впрочем, оказывался бессмысленным. Как отмечалось в докладе начальника С.-Петербургского таможенного округа, «строго преследуемый на границе вывоз спирта совершается совершенно свободно пассажирами, так как останавливающиеся на 1–2 минуты пассажирские поезда никогда не досматриваются чиновниками за их недостатком и опять представляются единоличному усмотрению досмотрщиков. При таковой постановке восприятие вывоза спирта в Финляндию является фикцией» (Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133. Л. 274 об.).

¹⁹ Там же. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 43.

²⁰ В одном из октябрьских номеров газеты «Карьяла», в частности, была помещена редакционная статья под претенциозным названием «Финскость в опасности – идите на помощь!» («Suomalaisuus vaarassa – tulkaa apuun!») (Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 148).

²¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 44.

²² Там же. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 2 об.

²³ Усыскин Г. С. Из революционной истории Карельского перешейка. Л., 1987. С. 188–200, 204–206; Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 137.

²⁴ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16. Л. 29–29 об.

²⁵ Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921. Л. 52.

²⁶ Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921. Л. 52. Звучали предложения о присоединении к России и более обширной территории: всей Выборгской и части Миккельской губернии (Там же. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 512. Л. 406).

²⁷ См.: Мусаев В. И. Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX – начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 71–73.

²⁸ Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 205.

²⁹ Строительство в ближайших пригородах Петербурга активизировалось, впрочем, еще в предвоенные годы: уже в 1912–1913 гг. в районе между Петербургом и Белоостровом отмечалось усиление спроса на бревна, доски, оконные рамы, двери и т. п. (РГИА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133. Л. 271 об.).

³⁰ Еще в мае 1916 г. полицейские органы сообщали, что число отдыхающих в Терийоки «чрезвычайно велико» (Härmäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus. S. 210).

³¹ Ibid. S. 211.

³² Ibid. S. 228–229.

